

Анна Вячеславовна Калаберда – музыковед,
кандидат культурологических наук, доцент кафедры музыки
финно-угорских народов Петрозаводской государственной
консерватории имени А. К. Глазунова

Мария Сергеевна Зайцева – этномузыковед,
преподаватель отделения «Музыкальный фольклор»
Национальной школы искусств Пряжинского района

Anna V. Kalaberda – musicologist, Ph.D. in Culturology,
Associate Professor at the Department of Music of the Finno-Ugric Peoples
of the Petrozavodsk State Glazunov Conservatoire

Maria S. Zayceva – ethnomusicologist, teacher at the Musical Folklore
Department of the Pryazhinsky district National School of Arts

УДК 781.7

DOI 10.61908/2413-0486.2015.3.3.51-67

ИНСТРУМЕНТЫ ДЕТСКОГО ЗВУКОТВОРЧЕСТВА: ИЗУЧЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

INSTRUMENTS OF CHILDREN'S MUSIC PERFORMANCE: LEARNING AND FUNCTIONING

Аннотация

В статье рассматривается круг вопросов, связанных с изучением и функционированием инструментов детского звукотворчества финно-угорских народов¹. Несмотря на позднее выделение данной сферы традиционной инструментальной культуры в этномузыковедении, важной информацией обладают этнографические публикации, позволяющие осуществлять реконструкцию, руководствуясь данными, зафиксированными в пору бытования детских звуковых забав в традиционной среде. Определяются основные этапы введения детей в комплекс звукового ландшафта традиционной культуры. Освещаются календарные обряды, традиционно включающие детское инструментальное звукотворчество.

¹ Термин «инструменты детского звукотворчества» принадлежит И. В. Мацеевскому.

Abstract

The article covers the range of issues associated with studying and functioning of the children's music performance instruments of the Finno-Ugric peoples. Despite the late separation of this sphere of traditional instrumental culture from ethnomusicology, ethnographic publications, that allow reconstruction based on data recorded at the time of the existence of children's music performance instruments in the traditional environment, contain important information. The article determines the main stages of introducing children to the complex soundscape of traditional culture and also covers calendar rites, which traditionally include children's instrumental sound creation.

Ключевые слова: традиционная культура, звуковая среда, органология, инструменты детского звукотворчества, календарный цикл, фазы человеческой жизни.

Keywords: traditional culture, sound environment, organology, tools children's music performance, calendar cycle, phases of human life.

Одной из актуальных для этномузыковедения является тема, посвящённая исследованию процесса вхождения и адаптации ребенка к нормативам традиционной системы звуковых сигналов, знаков и символов, всего звукового комплекса окружающей среды посредством звуковых орудий.

Современная органология включает в сферу своих исследований достаточно широкий круг музыкальных орудий, находящих традиционное применение в быту и практике народа; инструменты, имеющие собственно эстетическую функцию, и звуковые орудия сугубо прикладного назначения (охотничьи манки, коровьи колокольчики, сигнальные рожки, детские звуковые игрушки); инструменты, приспособленные к исполнению музыки, строго регулируемой в ритмическом и интонационном отношении, и инструменты, такими возможностями не обладающие [11, с. 146].

Важная информация о предметах традиционного быта и «забавах», используемых в детских играх, в ряде случаев являющихся инструментами

детского звукотворчества содержится в этнографической литературе [1, с. 405; 14, с. 79]. Так, в 1880-е годы детские игры Олонецкой губернии привлекли этнографа и лингвиста И. Г. Куликовского, опубликовавшего статьи «О роли детской игры для истории человеческой культуры» и «Описание игрушек, игр и детских забав в деревнях Пудожгорских, Повенецкого уезда» на страницах периодического издания [7, с. 74–76; 8, с. 71–75]. Указанные публикации содержат описание детских игр (например, «Шильцом», «Бабой», «Городки», «Горелки», «В перегонку» и др.), а также детских игрушек, распространенных в крестьянской среде. Так, *меленки*, описанные Г. И. Куликовским (412.22) – небольшие дощечки, затёсанные с обеих сторон, насаженные на гвоздь, вколоченный в длинную палку. Ветер, ударяясь о крылья *меленки*, вертит их, издавая соответствующий вихревой звук. *Свистулька* (421.221.4) – глиняная игрушка, пустотелая внутри, имеющая вид птички. Для извлечения звука в игрушке имеются отверстия. *Фурчалки* или *трепещалки* (412.11) изготавливаются из растения дудник. Для этой цели берут молодой полый стебель, снимают с него кожицу, затем во всю длину прорезают щель, которая по возможности должна быть правильной геометрической (прямоугольной) формы. Желая извлечь звук, играющий кладет полый конец *фурчалки* в рот и дует. *Волчок* (412.21) состоит из деревянного кружочка, в середину которого вставлен небольшой стерженёк (ножка). Вращаясь, *волчок* издаёт характерный «жужжащий» звук. *Погремушка* (112.13) – идиофон, распространённый во многих традиционных культурах, в виде небольшой коробочки из бересты, наполненной маленькими камушками. Звук извлекают путём встряхивания.

Собственно этномузыковедческие исследования появляются лишь в конце XX века. Их условно можно разделить на два типа. Первые содержат описания музыкальных инструментов, которые по ряду признаков могут быть отнесены к разряду детских – это публикации И. Тынуриста [18], П. И. Чисталёва [19], Н. И. Бояркина [2], О. М. Герасимова [4]. В других публикациях инструменты детского звукотворчества выделены в

соответствующий жанр традиционного инструментального творчества. Так, О. Эльшек, с позиций функциональной и музыкально-стилистической дифференцирует инструментальные жанры Словакии, выделяя «детский инструментальный жанр». В данной сфере, в отличие от охотничьей и пастушьей, применяются другие музыкальные инструменты, большей частью это идиофоны или аэрофоны, которые дети сами изготавливают для своих игр [21, с. 61].

Е. Михайлов выделяет пять основных групп традиционных музыкальных инструментов Онежско-Белозерского Межозерья, зафиксированных им в ряде экспедиций: пастушьи, охотничьи, детские инструменты, а также инструменты сферы быта, отдыха и досуга. Отметим, что принятое Е. Михайловым деление в некоторой степени условно, так как ряд инструментов может употребляться в нескольких сферах [13, с. 26]. Тем не менее, группа детских музыкальных инструментов самая большая из всех зафиксированных исследователем, наиболее часто встречаются инструменты подкласса свободных аэрофонов – листья деревьев (береза, осина), листок травы (осока), береста.

И. В. Мациевский, характеризуя основные сферы инструментальных жанров (звукотворчество при общении человека с природой, музыкальная коммуникация в процессе труда и обряда, жанры музыки ритуального действия, сфера приуроченных жанров, инструментальная музыка художественной направленности) вводит в научный обиход и сам термин «детское звукотворчество» [12, с. 348].

Важным для изучения инструментов детского звукотворчества является подлинное понимание сущности традиционных музыкальных инструментов, учитывающее историко-культурный контекст [11, с. 143]. Детские звуковые забавы должны рассматриваться в тесной взаимосвязи с традиционной культурой в целом: должна выявляться их роль в системе ритуалов, трудовой практике и художественной деятельности.

Для реконструкции культурного контекста, в котором традиционно функционировали инструменты детского звукотворчества, необходимыми становятся исследования в области этнографии детства ряда авторов: И. Ю. Винокуровой [3], О. П. Илюха [6], К. К. Логинова [9], Н. Е. Слепчиной [15].

Инструменты детского звукотворчества, как и детские игрушки, обладают в традиционной культуре рядом функций [17, с. 36]:

– содействуют гармоничному введению ребенка с первых дней жизни в осязательное соприкосновение с природой при помощи натуральных материалов – глины, дерева, ткани и т. д.;

– способствуют формированию в мальчике необходимых черт хозяина, кормильца, а в девочке – матери, воспитательницы, хранительницы домашнего очага и родовой традиции;

– вводят детей в ежегодно повторяющийся календарный цикл и в важнейшие фазы человеческой жизни;

– содействуют познанию бытия конкретного этноса, прямому введению в культуру с ее устойчивыми предпочтениями.

Рассмотрим отмеченные функции инструментов детского звукотворчества подробнее. Имея в виду инструменты детского звукотворчества, мы сталкиваемся с категорией возраста, подразумевающего периодизацию жизненного пути. Важным тезисом для рассмотрения вопросов, связанных со стадиями взросления детей, является связь периодизации жизненного пути человека с культурными представлениями о том, каким он должен быть на том или ином этапе жизни, то есть с нормативным каноном человека. Очевидно, что нормативный канон, по традиционным представлениям, включал, прежде всего, возрастной и гендерный критерии.

С момента рождения начиналось «приписывание» ребенка к определённому полу, а, следовательно, и к определённым жизненным и

семейным ролям [3, с. 54]. Если сравнивать три периода детства, то наиболее ритуализированным оказывается первый год жизни ребёнка. Дети до определённого возраста находились в некотором «переходном» состоянии, связующие мир земной с миром предков. При этом символическим значением были проникнуты как личные установки родителей, характеризующие степень заботы о детях, так и общественные, свидетельствующие о том, насколько желанны и ценны дети в культуре.

Чтобы уберечь ребёнка от дурного глаза применялись различные обереги. В традиционной саамской культуре имелись погремушки, изготовленные из гусиного горла, либо зоба тетерева, в полость которых насыпали камушки, песок. К люльке мальчика саамы подвешивали маленький лук и стрелы, а девочки – кусочки цветного сукна, украшения из бисера, перламутровые пуговицы. Традиционно в эстонской семье в колыбели младенца находилась погремушка из надутого свиного пузыря с горошинами. В эрзянских сёлах, с оберегом был связан обычай подвязывать над колыбелью новорождённого колокольчик в день его положения в колыбель.

Становление звуковых представлений происходит у детей как автохтонно, посредством механизмов собственной психической деятельности, так и под влиянием взрослых. И. В. Мациевский отмечает, что «ребёнок воспринимает комментируемые взрослыми или старшими детьми звуковые комплексы окружающей природы – этой физической и биологической музыки – и вскоре начинает дифференцировать свист соловья, иволги, щегла, токование глухаря или тетерева; по тембру и “мелодии” воя определяет направление и скорость ветра» [10, с. 123].

Существовали как сугубо детские инструменты (инструменты детского звукотворчества), так и музыкальные инструменты, относимые к разряду «детских», но применяемые в различных сферах. Так, один и тот же музыкальный инструмент – лист дерева – *sokupill* – являлся в традиционной эстонской культуре охотничьим манком, а *kukepill* – детской звучащей

игрушкой, в зависимости от того чей голос имитировался. Описанные погремушки саамов использовались не только как детские игрушки, но и шаманами в ритуале лечения [16, с. 93].

В период от полутора до двух лет основным способом вербализации звуковых впечатлений ребенка становятся звукоподражания (ономатопеи) – слова, обозначающие звучания и связанные с ними своей звуковой формой, а также вокализации, воспроизводящие подобные звучания. Детское звукотворчество близко к природе, так как его основу составляют имитации звуков окружающего мира, поэтому ребенок учится воспроизводить звуки на простейших орудиях, подаренных природой: расщеплённых стеблях лука, травинках, листьях деревьев, он пытается имитировать звуки и интонационные формулы окружающего мира, животных, птиц. В детских индивидуальных или коллективных забавах имитация несёт не утилитарную, а игровую направленность.

С пяти лет дети активно вовлекались в подвижные игры, у карел – это «Babkah», «Hлaptu», «Kiviyine», «Kryykkah», «Kui peittoh olimmo», «Skocimmo bobaizet». Практически все игры, в которые дети играли зимой, с приходом весны и тепла перемещались на улицу. Пребывая в детском возрасте, мальчики и девочки играли обычно вместе, в отличие от подростков. В этих играх происходило не только приобщение к крестьянскому труду, но и освоение элементов народной музыкальной речи и хореографии [5, с. 183]. Речитативная стихия детского обрядового и игрового фольклора была лишь частью звуковой среды, в которой рос и развивался ребёнок.

Игры детей часто связаны, а нередко и воспроизводят трудовую деятельность, бытовые и обрядовые сцены взрослой жизни. Мальчикам указанного возраста уже поручали пасти скот в качестве подпасков. Для общения пастуха с подпаском существовали определённые наигрыши на традиционных аэрофонах, которые были понятны обоим. Как правило, подпасок обучался игре на традиционных пастушьих аэрофонах более простых

по конструкции, нежели те, которыми владел пастух. Переход к новому этапу музицирования и технике игры сопровождался вполне преодолимыми усложнениями и техническими новшествами, не вступающими в противоречие с развитием ребёнка [10, с. 132].

С трудовым календарём тесно связана система календарных обрядов и использование в ней инструментальной музыки. Мальчики и девочки 7–10 лет нередко участвуют в календарных обрядах совместно, поскольку они ещё не достигли половой зрелости. Важное место в традиционной культуре отводилось весенним обрядам, атрибутами которых являлись наигрыши, звучащие на листке, травинке, свистковых флейтах – инструментах весенне-сезонных звуковых орудий пастухов, женщин и детей.

Глобулярные флейты широко использовались в календарных праздниках мордвы: для исполнения наигрышей на Масленицу, в рождественском доме, на *молянах*, посвящённых духам – покровителям домашних птиц (*Сараз озкс*), инструменты применялись в обрядах продуцирующей магии. Так, «*мастьянь сеерема*» («закликание масленицы») представляет собой сольный наигрыш на *кевень тутушке* (см. пример № 1).

Музыкальная композиция строится на многократном варьированном повторе одной ритмической формулы. Метр наигрыша переменный, чередующий двух – (4/4, 2/4, 4/2) и трехдольные (3/2, 3/4, 6/4). Имеющая два грифных отверстия, *кевень тутушка* имеет ангемитонный терцовый строй от g^2 до h^2 . Лад наигрыша олиготонный малого звукового состава (три звука). Начало и конец каждой фразы маркированы опорным звуком g^2 . В мелодике наигрыша «*Мастьянь сеерема*» за счет узкого амбитуса и постоянных опеваний возникает ощущение вращения, с возвратным движением к опорному тону g^2 . Можно предположить, что в наигрыше «зашифрован» круг как солярный символ. В разных традиционных культурах вырабатывался свой, отличный от других, стиль изображения солярной символики. Символика солнца была одним из главных элементов орнаментов в вышивке, в том числе традиционной

мордовской женской одежды, которая до конца XIX века сохраняла архаические черты. Особо важным символ круга-солнца становится для праздника *Сеерема* (Масленицы) – даты имевшей большое значение в народном календаре, считавшейся началом прихода весны.

Пример № 1

Мастянь сеерема / Закликание масленицы²

The musical score consists of ten staves of music in a single system. The notation is in treble clef. The first staff begins with a whole note on G4, followed by a whole rest, then another whole note on G4, and another whole rest. The second staff features a melodic line of eighth notes with a slur, ending with a fermata. The third staff continues with eighth notes, also slurred. The fourth staff shows a melodic line with a slur and a fermata, followed by a measure with a fermata and a 'v' marking. The fifth staff contains eighth notes with slurs. The sixth staff has a whole note on G4, followed by a whole rest, then another whole note on G4, and another whole rest. The seventh staff features a melodic line with a slur and a fermata, followed by a measure with a fermata and a 'v' marking. The eighth staff contains eighth notes with slurs. The ninth staff has eighth notes with slurs. The tenth staff features eighth notes with slurs, followed by a measure with a fermata and a 'v' marking.

² См.: [2, с. 90].

У южных удмуртов зафиксировано исполнительство на свистульках *суй шулан* во время праздника *Гырон быдтон*, посвящённого окончанию пахоты, во время обряда-благодарения, приуроченного к началу периода *Инвожо* (летнего солнцестояния) – «переломного момента солнечного круга» удмуртов. На эстонскую масленицу из косточек свиных ног и нитки дети мастерили особые «жужжалки» (*vurr*). Своеобразным обрядовым действием, знаменующим начало лета, следует считать детское весеннее «дудение» в разные свистки из коры и растений [18, с. 42]. У ряда народов именно многочисленные идиофоны (погремушки, «завывалки», «жужжалки»), а не инструменты с фиксированной высотой и продолжительностью тона, играют ведущую роль в традиционной музыкальной культуре. Они оцениваются самими носителями фольклора как музыкальные инструменты, наиболее важные и наилучшим образом отражающие «звуковой идеал» и эстетические представления этноса, а инструменты с фиксированной высотой звучания могут восприниматься как чуждые, бытующие эпизодически или временно [11, с. 142].

Использование идиофонов в календарных праздниках отмечено в ряде традиционных культур финно-угорских народов. Так, во время Масленицы у мордвы можно было услышать ритуальные шумы, исполняемые на металлических идиофонах (колокольчиках), которые сопровождали традиционное катание на санях и на лошадях. Колокольчики, бубенчики, погремушки традиционно привязывали к саням, ими специально потряхивали во время езды.

У карелов, вепсов, ижор существовал обычай в канун дня Георгия Победоносца надевать детям на шею колокольчики всех домашних животных и отправлять бегать вокруг дома. Звон, издаваемый металлическими предметами, и магический круг, который дети создавали, обегая дом, являлись важными оберегами от диких животных на будущее, когда скот будет пастись в лесу.

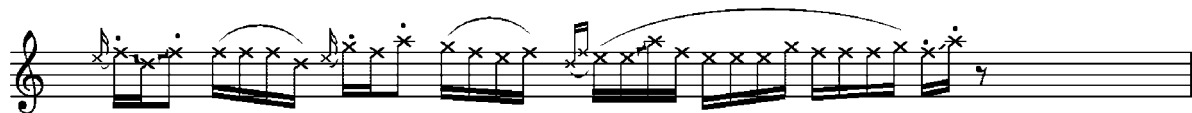
Участие в составе тех или иных возрастных групп в обрядах способствовало постепенному, вначале более пассивному, на уровне

восприятия и узнавания, и, наконец, – на уровне практического овладения основными сферами функционирования музыкальных инструментов – «вхождению» в мир традиционной музыкальной культуры.

Авторами статьи была проделана работа по поиску и фиксации представленных И. Г. Куликовским инструментов детского звукотворчества на территории Сямозерья (Южная Карелия). В связи с изменением традиционного быта многие музыкальные инструменты ушли в прошлое, попав прежде в сферу детского музицирования. Так, *Л. И. Кузнецова* (1961 г. р.), проживающая в п. Эссойла, вспоминает, что в пору детства на травинке ее научила играть подруга. Сначала это была просто детская забава, позже девочки начали подражать пению птиц (пример № 2).

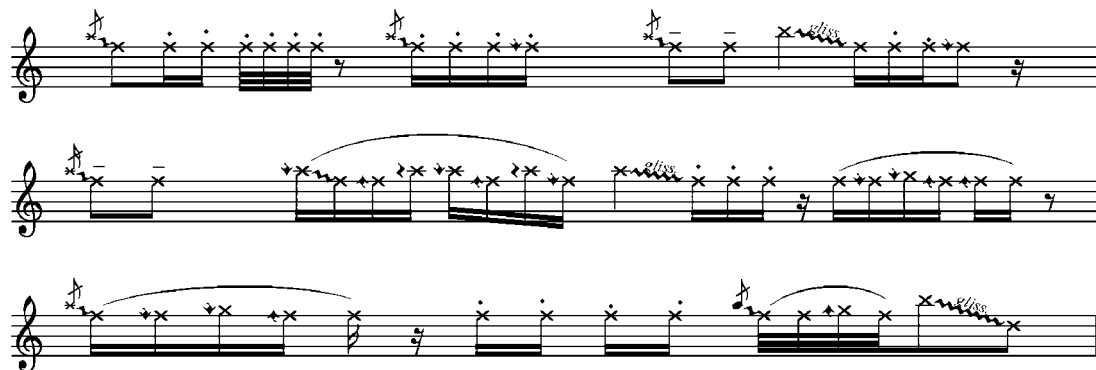
Пример № 2

Наигрыш на травинке³



Л. И. Кузнецова играет так же на полиэтиленовой плёнке – тонкой ленточке, туго натянутой между губами. При вдувании струя воздуха, разбиваясь о тонкую грань ленточки, приводит её в колебание. Высота возникшего звука зависит от степени натяжения и длины рабочей части плёнки (пример № 3).

Пример № 3

Наигрши на полиэтиленовой плёнке⁴

И. В. Антонова (1942 г. р., д. Падройла) играла на осиновом листе в детстве и юности летом во время сенокоса. Для этого срывался не молодой, а более твёрдый и упругий осиновый лист, обгрызался до придания ему округлой формы и загибался посередине. Лист, прикладывался к губам вертикально, воздушная струя направлялась на лист и в щель между пальцами. При таком способе исполнитель имеет возможность извлекать достаточно богатый в тембровом отношении звук, поскольку резонатором ему служат ладони. Звуковой диапазон, определяемый силой воздушной струи и размерами вибрирующей части листка, у отдельных исполнителей весьма широк и достигает дуодецимы.

В. И. Леонтьев (1952 г. р., д. Падройла) продемонстрировал процесс изготовления ивового свистка весной, когда начинается сокодвижение и кору легко отделить от сердцевины. С ивовым свистком деревенские дети играли в жмурки. Два игрока стояли в центре круга с завязанными глазами, у одного

³ Записано М. С. Зайцевой от Л. И. Кузнецовой (1961 г. р., п. Эссоила Пряжинского р-на РК). Транскрипция М. С. Зайцевой.

⁴ Записано М. С. Зайцевой от Л. И. Кузнецовой (1961 г. р., п. Эссоила Пряжинского р-на РК). Транскрипция М. С. Зайцевой.

находился свисток, второй, досчитав до десяти, должен был по звуку свистка определить, куда переместился первый игрок.

Таким образом, описанное множество инструментов детского звукотворчества в ряде этнических культур возникло для воспроизведения устойчивых традиционных в культуре сонорных эффектов. Тембр или «голос» архаичного инструмента, как правило, невозможно повторить другими средствами [20, с. 268]. Детские звуковые игрушки, рассматриваемые как архаичные музыкальные инструменты, обладают рядом свойств: имеют один «голос» (или одно сонорное амплуа), просты в изготовлении (по окончании использования такие инструменты часто выбрасывают), имеют нестабильные размеры (размеры и величина инструмента предопределяется материалом изготовления – кора дерева, стебель, лист, травина).

Традиционные инструменты детского звукотворчества, описанные И. Г. Куликовским на страницах «Олонецких губернских ведомостей», имеют аналоги в ряде традиционных культур. Функционирующие первоначально как ритуальные, охотничьи, пастушеские, с течением времени они перешли в сферу детского звукотворчества. В настоящее время приходится констатировать факт частичного сохранения указанной традиции и в ряде случаев в памяти взрослых, а не в сфере детского досуга. Тем не менее, задачей авторов становится не только изучение, но и адаптация известных инструментов детского звукотворчества к детской среде (пример № 4).

Пример № 4

Наигранный на глиняной свистульке⁵

The image displays a musical score for a piece titled 'Наигранный на глиняной свистульке'. The score is written on nine staves, each beginning with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The music is characterized by a series of wavy lines at the beginning of each staff, which likely represent the sound of a whistling instrument. The notation includes various rhythmic patterns, such as eighth and sixteenth notes, and rests. There are also some specific markings, like a '3' under a triplet and a 'tr' (trill) above a note. The overall style is that of a traditional folk melody.

Литература

1. Беляев С. В. Ялгубский приход. Географическое, этнографическое и экономическое положения // Олонекские губернские ведомости, 1890. № 40.
2. Бояркин Н. И. Мордовская народная музыка: Многоголосные инструментальные традиции: учеб. пособие. Ч. 1. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2004. 140 с.

⁵ Записано М. С. Зайцевой от В. Зайцевой (2005 г. р., п. Эссойла Пряжинского р-на РК). Транскрипция М. С. Зайцевой.

3. Винокурова И. Дети в некоторых обрядах и представлениях вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск. 1994. С. 41–63.
4. Герасимов О. М. Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола: МПИК, 1996. 224 с.
5. Дорохова Е. А. Обряды и песни жизненного цикла // Народное музыкальное творчество: Учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2009. С. 169–247.
6. Илюха О. П. Семейные ценности и особенности воспитания детей в карельской традиционной культуре // Вопросы воспитания. Научно-практический журнал. № 2(3). Москва–Воронеж, 2010. С. 28–34.
7. Куликовский Г. О роли детской игры для истории человеческой культуры // Олонецкие губернские ведомости. 1886. № 74–76.
8. Куликовский Г. Описание игрушек, игр и детских забав в деревнях Пудожгорских, Повенецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1886. № 71–75.
9. Логинов К. К. Этнография детства на Водлозере // Этническая музыка и XXI век: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 2007. С. 15–23.
10. Мацеевский И. В. В пространстве музыки. СПб.: РИИИ, 2013. Т. 2. С. 122–139.
11. Мацеевский И. В. Народный музыкальный инструмент и методология его исследования (К насущным проблемам этноинструментоведения) // Актуальные проблемы современной фольклористики. Л., 1980. С. 143–170.
12. Мацеевский И. В. Инструментальная музыка // Народное музыкальное творчество: Учебник / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2009. С. 345–382.
13. Михайлов Е. П. Традиционные музыкальные инструменты Онежско-Белозерского межозерья // Кижский вестник. Вып. 12 / науч. ред. И. В. Мельников, В. П. Кузнецова. Петрозаводск. 2009. С. 91–115.
14. Певин П. Очерк Горскаго прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости, 1894. № 51.
15. Слепчина Н. Е. Традиционное воспитание детей в коми культуре второй половины XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Ижевск, 2006. 32 с.
16. Соловьёв И. В. О музыкальном инструментарии саамов: некоторые уточнения классификации // Культурные коды двух тысячелетий. Вып. 1. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2000. С. 89–92.
17. Соловьёв В. Я. Тихий голос русской игрушки // Народное творчество, № 1. 1996. С. 14.
18. Тынурист И. Эстонские народные музыкальные инструменты: учебное пособие. Таллин: Talmar & Põhi, 2004. 60 с.
19. Чисталёв П. И. Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1984. 104 с.
20. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Восточная литература, 2002. 718 с.
21. Эльшек О. Стилиевые типы народной инструментальной музыки в Словакии // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка: сб. ст. и

материалов: в 2 ч. / под общ. ред. Е. В. Гиппиуса; ред.-сост. И. В. Мациевский. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1987. С. 68–105.

References

1. Beljaev S. V. Jalgubskij prihod. Geograficheskoe, jetnograficheskoe i jekonomicheskoe polozhenija [Yalgubsky County. Geographical Location, Ethnographical and Economic Situations]. *Olonieckie gubernskie vedomosti* [Olonets Provincial Bulletin]. 1890, No. 40.
2. Bojarkin N. I. *Mordovskaja narodnaja muzyka: Mnogogolosnye instrumental'nye tradicii: ucheb. posobie* [Mordovian Folk Music: Polyphonic Instrumental Tradition]. Part 1. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 2004. 140 p.
3. Vinokurova I. Deti v nekotoryh obrjadah i predstavlenijah vepsov [Children in Certain Vepsian Rituals and Beliefs]. *Obrjady i verovanija narodov Karelii. Chelovek i ego zhiznennyj cikl* [The World of Childhood and the Traditional Culture]. Petrozavodsk, 1994, pp. 41–63.
4. Gerasimov O. M. *Narodnye muzykal'nye instrumenty mari* [Folk Musical Mari Instruments]. Joshkar-Ola: MPIK, 1996. 224 p.
5. Dorohova E. A. Obrjady i pesni zhiznennogo cikla [The rites and songs of the life cycle]. *Narodnoe muzykal'noe tvorcestvo: Uchebnik* [Folk Music: Textbook]. Edited by O. A. Pashina. St. Petersburg: Kompozitor, 2009, pp. 169–247.
6. Iljuha O. P. Semejnye cennosti i osobennosti vospitaniya detej v karel'skoj tradicionnoj kul'ture [Family Values and Special Aspects of Upbringing Children in the Karelian Traditional Culture]. *Voprosy vospitaniya* [Aspects of Education]. Nauchno-prakticheskij zhurnal. Moscow–Voronezh, 2010, No. 2(3). pp. 28–34.
7. Kulikovskij G. O roli detskoj igry dlja istorii chelovecheskoj kul'tury [The Role of Children's Games in the History of Human Culture]. *Olonieckie gubernskie vedomosti* [Olonets Provincial Bulletin]. 1886, No. 74–76.
8. Kulikovskij G. Opisanie igrushek, igr i detskih zabav v derevnjah Pudozhgorskih, Povenekogo uezda [Description of toys, games and child's play in the villages of Pudozh and Povenets Counties]. *Olonieckie gubernskie vedomosti* [Olonets Provincial Bulletin]. 1886, No. 71–75.
9. Loginov K. K. Jetnografija detstva na Vodlozere [Ethnography of Childhood on Vodlozero]. *Jetnicheskaja muzyka i XXI vek: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [World Music and the XX Century]. Petrozavodsk, 2007, pp. 15–23.
10. Macievskij I. V. *V prostranstve muzyki* [In the Space of Music. Volume 2]. St. Petersburg: RIII, 2013, pp. 122–139.
11. Macievskij I. V. Narodnyj muzykal'nyj instrument i metodologija ego issledovanija (K nasushhnym problemam jetnoinstrumentovedenija) [Folk Musical Instrument and Methodology of Its Research]. *Aktual'nye problemy sovremennoj fol'kloristiki* [Actual Problems of Modern Folklore]. Leningrad, 1980, pp. 143–170.
12. Macievskij I. V. Instrumental'naja muzyka [Instrumental Music]. *Narodnoe muzykal'noe tvorcestvo: Uchebnik* [Folk Music: Textbook]. Edited by O. A. Pashina. St. Petersburg: Kompozitor, 2009, pp. 345–382.

13. Mihajlov E. P. Tradicionnye muzykal'nye instrumenty Onezhsko-Belozerskogo mezhozer'ja [Traditional Musical Instruments of the Onega-Belozersky Mezhozerye]. *Kizhskij vestnik. Vyp. 12*. [Kizhi Bulletin. Issue 12]. Edited by I. V. Mel'nikov, V. P. Kuznecova. Petrozavodsk, 2009, pp. 91–115.
14. Pevin P. Oчерk Gorskago prihoda, Petrozavodskogo uezda, Oloneckoj gubernii [Analytical Review of Gorsky Parish, Petrozavodsk County, Olonets Province]. *Oloneckie gubernskie vedomosti* [Olonets Provincial Bulletin]. 1894, No. 51.
15. Slepchina N. E. *Tradicionnoe vospitanie detej v komi kul'ture vtoroj poloviny XIX – pervoj treti XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.07*. [Traditional Education of Children in Komi Culture of the Second Half of the XIX – early XX Centuries: Author's Abstract ...Candidate of Historical Sciences]. Izhevsk, 2006. 32 p.
16. Solov'jov I. V. O muzykal'nom instrumentarii saamov: nekotorye utochneniya klassifikacii [About Saami Musical Instruments]. *Kul'turnye kody dvuh tysjacheletij. Vyp. 1*. [Cultural Codes of Two Millennia. Issue 1]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2000, pp. 89–92.
17. Solov'ev V. Ja. Tihij golos russkoj igrushki [Russian Toy's Quiet Voice]. *Narodnoe tvorchestvo* [Folk Art]. 1996, No. 1, pp. 14.
18. Tynurist I. *Jestonskie narodnye muzykal'nye instrumenty: uchebnoe posobie* [Estonian Folk Musical Instruments]. Tallin: Talmar & Põhi, 2004. 60 p.
19. Chistal'jov P. I. *Komi narodnye muzykal'nye instrumenty* [Komi Folk Musical Instruments]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 104 p.
20. Shejkin Ju. I. *Istorija muzykal'noj kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of Musical Culture of the Peoples of Siberia: Comparative Historical Research]. Moscow: Vostochnaja literatura, 2002. 718 p.
21. Jel'shek O. Stilevye tipy narodnoj instrumental'noj muzyki v Slovakii [Style Types of Folk Instrumental Music in Slovakia]. *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naja muzyka: sb. st. i materialov*. [Folk Musical Instruments and Instrumental Music: In 2 Parts. Part 1]. Edited by E. V. Gippiusa; I. V. Macievskij. Moscow: Sovetskij kompozitor, 1987, pp. 68–105.